26 февраля (11 марта)

Преподобномученица

Анна (Благовещенская)

Вначале XX века из многих монастырей Вологодского края в Грязовецком уезде особенно славен был духовной жизнью своих насельников Павло-Обнорский Троицкий монастырь, расположенный в пятнадцати верстах от города Грязовца на левом берегу реки Нурмы. Монастырь был основан учеником преподобного Сергия Радонежского преподобным Павлом Обнорским в 1414 году; мощи святого покоились в монастыре под спудом. Обитель дважды – в 1513 и 1767 годах – жестоко пострадала от пожара, а в 1777 году была разграблена разбойниками. В начале XX века наместником монастыря стал архимандрит Никон (Чулков). Благочестивый подвижник, он имел и духовные дарования, умел и хозяйственную жизнь привести в процветающее состояние. При нем в обители было четыре храма, и все в прекрасном состоянии. В свое время он обратился к императору Николаю II с просьбой о пожертвовании средств на украшение раки преподобного Павла. Просьба была удовлетворена, и отец Никон устроил прекрасно украшенную раку. В 1910 году он ездил к императору в Царское Село, чтобы выразить личную благодарность за пожертвование, и был принят им. Когда в 1914 году началась война, в монастыре был устроен лазарет для раненых.

Один из прихожан монастыря, ставший впоследствии священником в Захарьевской общине, а в то время служивший учителем в Любиме, вспоминал: «К весне 1914 года до меня и вообще до всего окружающего меня любимского общества донеслись слухи об особой духовной настроенности в Павло-Обнорском монастыре. Тогда же, как воспитанный на глубоко религиозных началах, устремился туда и я в компании единомыслящих со мной в религиозном отношении сослуживцев. Что Павло-Обнорский монастырь, руководимый своим настоятелем архимандритом Никоном, имел именно такую религиозно-нравственную физиономию, видно из маленького путевого факта: когда в первый раз мы ехали на наемной лошади из Грязовца, я спросил возницу: в который из монастырей – Корнилиев или Павлов больше возите седоков? Тот не задумываясь ответил: “Коли кому погулять, так везем в Корнилиев, а кому помолиться – того везем в Павлов”. Нужно заметить, что всех нас туда влекло не только искание благодатного успокоения, но и возможность получить исцеление от болезней по молитвам преподобного Павла, а также и желание получить духовно-назидательный совет архимандрита Никона. Я был серьезно болен расширением сердца, был при смерти, лежал в одной из московских больниц, но лечение плохо подвигалось, дома я продолжал болеть, и доктора запретили мне даже вставать с постели. И вот, я по особому духовному влечению, вопреки запрещениям доктора, весной 1914 года предпринял путешествие в Павлов монастырь. Первый день я не смог собственными силами ходить, и меня водили под руки, на второй день я пошел самостоятельно, без посторонней помощи, и с той поры болезнь моя стала нечувствительна. В другой раз я болел воспалением легких и гнойным плевритом. Консилиум врачей признал неизбежность рокового конца, но ночью мне снится преподобный Павел подряд три раза и уверяет меня, что я здоров. Действительно, я проснулся совершенно здоровым и, к удивлению прибывшего утром врача, я встал с постели и мог ходить. Подобные случаи были

и с другими моими родичами и знакомыми, и все это влекло нас в Павлов монастырь. Бывал с той поры в Павлове ежегодно – летом на неделю и в редких случаях на две, встречал там всегда много народа, стекавшегося из разных мест: из Грязовца, Вологды, из-за Вологды, из-под Пошехонья, из-под Романова и Рыбинска, из Ярославля, из Буйского, Даниловского и Любимского уездов».

Огромным авторитетом пользовался в то время настоятель монастыря архимандрит Никон, к нему за молитвой, советом и благословением ехали тогда отовсюду. Среди приезжавших было много девиц из верующих семей, детей духовенства, женщин, окончивших учебные заведения и работавших учителями, многие из которых стали духовными детьми отца Никона. Некоторые нуждались в более подробном и глубоком духовном окормлении, так как стали задумываться уже не над тем, как по возможности нравственно, стремясь к исполнению Христовых заповедей, поступать в этой жизни, но уже связывали это с устроением своей духовной жизни, стали думать о спасении, о Царстве Небесном, о том, как всецело угодить Господу. Высокая задача требовала и опытного, высокой духовной жизни наставника.

В эту эпоху многие духовные наставники создавали общины, которые затем преобразовывались в монастыри. Из самых известных были общины, имевшие своими основателями преподобного Серафима Саровского в начале XIX века и преподобного Амвросия Оптинского в конце XIX столетия. Хотел такую общину устроить и архимандрит Никон, не отказавшись от своего намерения даже тогда, когда после прихода к власти большевиков начались гонения на Православную Церковь. Но для осуществления этого доброго дела, нужна была земля, где могли бы поселиться члены общины. В значительной степени помогла этому духовная дочь отца Никона, Александра Аркадьевна Соловьева, тетка Анны Александровны Соловьевой, бывшей в то время учительницей в Захарьевском приходе, расположенном между городом Грязовцем и Павло-Обнорским монастырем, а впоследствии ставшей начальницей общины.

Александра Аркадьевна была дочерью пономаря, служившего в церкви в селе Захарьево, и жила в ветхом доме отца. Она была девицей и до дней глубокой старости служила Господу тем, что принимала странников и паломников, шедших из Пошехонска в Павло-Обнорский монастырь. Она и предложила отцу Никону свой ветхий домишко для жительства сестер общины. Но нужно было получить и землю под огороды.

В то время советская власть уже начала реквизировать церковные земли, и захарьевские крестьяне поняли, что с отобранием у церкви земли им нелегко станет содержать храм, и потому они с радостью проголосовали за отдачу церковной земли общине, которая дала обязательства перед приходом содержать священника, псаломщика, певчих и сторожа.

Крестьяне выделили общине большой участок земли, и в 1921 году архимандрит Никон благословил поселиться здесь шести девушкам во главе с Анной Александровной Соловьевой. Они поселились в доме Александры Аркадьевны. Если бы не советская власть, община быстро переросла бы в большой и благоустроенный монастырь, но в основе советского государственного устройства было воинствующее безбожие, руководствовавшееся более дьявольскими наветами, нежели Божиими заветами, и советская власть никогда бы не позволила существовать монастырской общине открыто. Отец Никон предложил компромисс: оформить ее как сельскохозяйственную артель, но с монастырским уставом и послушаниями. Отец Никон, как и многие люди тогда,

не верил, что безбожный античеловеческий государственный строй, стремившийся убить человеческую душу, отнять у нее бессмертие, сможет продержаться сколько-нибудь продолжительное время на русской земле. Он предполагал, что если сам и не доживет до того времени, когда община преобразуется в монастырь, так как ему при основании общины было уже за шестьдесят лет, то девушки помоложе до этого времени доживут. И поэтому, когда власти, заподозрившие в общине чуждый безбожию уклад жизни, стали внимательно присматриваться к ней и требовать, чтобы общинники вели агитационную работу и были здесь свои комсомольцы и коммунисты, отец Никон благословил некоторых членов общины вступить в комсомол и в партию, с тем, однако, чтобы они на всех собраниях молчали и ничего не говорили против Господа, оставаясь в душе все теми же верующими людьми. Для девушек это стало тяжелым испытанием.

«Для них это были годы душевных терзаний – годы мученичества, – вспоминал священник захарьевской церкви. – Любя Бога, отправляя Ему служение, надо было играть роль безбожниц.

Впоследствии они, конечно, каялись на исповеди, получали разрешение и вновь вдавались в тот же грех. Особенно тяжело им было в праздники, когда в храме шло богослужение, а им уже было это запрещено. Тогда они молились дома, тайно, и время от времени приходили в храм, чтобы причаститься...»

«Отец Никон, как главный вдохновитель и руководитель общины и как глубоко верующий монах, не мог иметь иных чаяний, как монастырские подвиги во имя будущего Небесного Царства, к которому всеми средствами старался вести своих духовных детей, в том числе и коммунарок. Влияние он на них имел огромное, а потому мог легко заставить их, прикрываясь личиной безбожия и служения социализму в лице советской власти и ВКП(б), сохранять внутреннее благочестие, веру и монашеское послушание и терпеливо ожидать конца двойной игры».

Впоследствии, уже будучи арестованной, настоятельница общины Анна Александровна Соловьева показала на следствии: «Созданная первоначально Захарьевская сельскохозяйственная артель и впоследствии Первомайская сельхозкоммуна имени Крупской являлись фактически религиозной общиной с монастырским уставом, которая, по установкам архимандрита Никона, могла быть преобразована в женский монастырь в случае падения советской власти. Для того, чтобы сохранить указанную коммуну... была создана фиктивная ячейка ВКП(б) и в нее были посланы... члены коммуны… Бессомненно, что никто из них при вступлении коммунистом быть не мог, так как они полностью сохранили свои религиозные убеждения и вступали в партию только лишь по нашим заданиям, для того чтобы дотянуть путем любых уступок и компромиссов существование коммуны до падения советской власти...»

В самом начале существования общины все члены ее ходили в храм открыто и хор певчих состоял из двадцати пяти девушек. В самой коммуне они активно благоустраивались, число членов общины быстро увеличивалось, и к 1930 году их стало сто пять человек. Члены общины освоили различные ремесла; кроме сельскохозяйственных работ, многие девушки стали профессиональными каменщиками и плотниками. В общине было устроено восемь предприятий: кирпичный, дегтярный и кожевенный заводы, валяльно-катальная, швейная и сапожная мастерские, кузница и ветряная мельница; насельницы общины

интенсивно вырубали глухой лес, корчевали пни, а на расчищенных полях засевали хлеб. У общины был огород с парниками и прекрасный сад.

Община руководилась архимандритом Никоном, который часто сюда приезжал, чтобы устроить и направить духовную жизнь сестер. По вечерам после обычных послушаний все обыкновенно ходили в лес за дровами, и вместе со всеми ходил отец Никон. Затем все собирались в каком-нибудь доме на отдых. Подавали чай, певчие и сам отец Никон пели духовные песни и беседовали. Устав здесь был чисто монастырский: у всех были свои послушания, была общая молитва в церкви, где читали и пели девушки общины.

В 1924 году Павло-Обнорский монастырь был властями закрыт, и отец Никон перешел служить в Воздвиженский собор в городе Грязовце, расположенном сравнительно недалеко от Захарьевской общины, и многие ее насельницы стали посещать его здесь. В 1924 году, когда архимандрит Никон был в Москве, Патриарх Тихон предложил ему принять сан епископа, но ради окормляемых им духовных детей и уже организованной общины он отказался, не захотел оставить духовных детей в это тяжелое время.

В 1930 году Воздвиженский собор был закрыт и архимандрит Никон поселился в одной из деревень неподалеку от общины и часто посещал ее, но ввиду нарастающих гонений старался это делать незаметно. Бывали случаи, что сотрудники ОГПУ по чьему-либо доносу приезжали в общину в то время, когда отец Никон был там. Во избежание ареста его выпускали через противоположную дверь, и он уходил незамеченным, но долго так это продолжаться не могло. Уже одно то, что монашеская община существовала почти десять лет, было чудом.

Одна из членов общины, впоследствии вышедшая из нее, описала по требованию следователей ОГПУ бытовую сторону жизни в общине: «Принимались в нее люди только по рекомендации членов, живущих в коммуне и достаточно испытанных отцом Никоном, всех в коммуну, кто бы только захотел в нее поступить, не принимали; если же кто поступал по рекомендации членов, он брался на известное испытание и через некоторый промежуток времени его все же знакомили... с отцом Никоном...

В общинке имелся свой распорядок и применены монастырские правила следующие: в воскресный день должны все без исключения пойти к утрене, свои имелись люди в церкви, псаломщик Патокова, Благовещенская, читали Апостол, хор имелся человек до двадцати пяти, чем привлекались в церковь окрестные крестьяне; после обедни начинался обед; когда обедают коммунарки, в этот момент соблюдалась в столовой полная тишина, во время обеда за столом не допускалось ни посторонних разговоров, ни смеха, в это время на рояле играли только кантики; нужно сказать, что коммунарок умело играть на рояле почти сорок человек, но исключительно одни кантики, песенки светские играть не разрешали, их можно услышать только тогда, когда появляются в столовой советские. Коммунаркам гулять пойти в другую деревню... не разрешалось. Если, прожив в коммуне год или два, разочаруешься, в коммуне не захочешь жить – пойди, но такой был устав, что ни одной тряпки взять тебе из нее нельзя... Обязанность каждой коммунарки каждый вечер после работы на своих плечах принести плаху дров к тому дому, кто где живет...»

В 1928 году Захарьевская сельскохозяйственная артель была переименована в Первомайскую сельскохозяйственную коммуну имени Крупской. В это время коммуна прославилась в области как образцово-показательное хозяйство, как пример того, чего можно было достигнуть

коллективным трудом при новом строе. Руководительница общины Анна Соловьева, когда приезжало начальство или проверяющие комиссии, старалась с ними держать себя подчеркнуто вежливо, ни в чем не проявляя себя человеком религиозным. Их принимали, показывали хозяйство, кормили обедами, они встречались с членами общины, и если члены комиссий что и замечали, они об этом не говорили.

Впоследствии сотрудники ОГПУ в обвинительном заключении относительно членов Захарьевской общины написали: «Внешняя маскировка... создала вокруг сельскохозяйственной коммуны широкое общественное мнение, идущее за пределы области. В результате коммуна получила на всесоюзном смотре на лучшую колхоз-коммуну третью премию».

В конце двадцатых годов, когда начали массово создаваться колхозы, в коммуну стали направляться журналисты местных газет, призванные в своих статьях описать преимущества нового экономического уклада.

Советская пресса писала о ней в это время: «Первомайская женская сельскохозяйственная коммуна имени Крупской является наиболее ярким образцом героической борьбы трудящейся крестьянки под руководством коммунистической партии за свое раскрепощение».

«Коммунарки коммуны имени Крупской показали, что они крепко держат в руках знамя Ленина, что коммуна развивается и крепнет именно на базе роста производительности труда, на базе общего коллективного труда».

«Надо прямо сказать, что вся жизнь и рост коммуны имени Крупской – героизм и самоотверженность коммунарок. За плечами коммуны девять лет упорного труда. Умелое сочетание правильного административно-хозяйственного и партийного руководства с высоким качеством массовой работы выдвинули коммуну, как женскую, на одно из первых мест по Ивановской области, а пожалуй, и всего Советского Союза. У коммуны много заслуг перед государством».

«Члены коммуны живут единой сплоченной семьей. Они твердо уверены в конечной победе коммунизма, и никакие хозяйственные трудности их не пугают. Закалку в борьбе за новую коммунистическую жизнь, за жизнь коллективную коммунарки накапливали в течение долгих лет. Путь, пройденный коммунарками, – это путь упорного труда и жесточайшей борьбы с классовым врагом».

Уже после ареста членов общины на допрос был вызван автор брошюры об общине, который сказал: «В 1930 году я совместно с представителем Облколхозсоюза и агрономом выехали в Первомайскую коммуну для обследования с целью представления ее на всесоюзный смотр-конкурс, так как она, по данным Облколхозсоюза, считалась лучшей в области. Ознакомившись с цифрами роста, хозяйственным эффектом коммуны, расстановкой сил по участкам, побыв на собраниях коммунарок, у меня и всей комиссии не возникло никаких подозрений. Товарищеское отношение коммунарок, их невозмутимое поведение оставило хорошее впечатление, именно внешней стороной мы и были введены в глубокое заблуждение».

Впоследствии сотрудники ОГПУ в обвинительном заключении против коммуны писали: «Контрреволюционная группа, будучи заинтересована в укреплении нелегального монастыря, ставила ставку на расширение и улучшение хозяйства, имея в виду, что при падении советской власти монастырь будет с прочной экономической базой. С 1926 года “коммуна” получила кредит и

безвозвратные ссуды от государства до 30 тысяч рублей и трактор. В то же время, все вопросы организационно-хозяйственного порядка проводились с ведома и утверждения руководителя контрреволюционной группы архимандрита Никона».

В 1929 году власти потребовали от руководства коммуны, что бы она слилась в единое хозяйство с соседним колхозом «Новая деревня», где были и семейные, и неверующие. Община командировала одну из девушек в Москву в Колхозцентр, и ей удалось убедить начальство в нецелесообразности такого слияния, тем более что все коммунарки были против. Распоряжение, полученное местными властями из Колхозцентра, повлияло на них, они отменили все свои распоряжения о слиянии в единое хозяйство, и жизнь общины, шедшая по монастырскому уставу, продолжала идти в том же русле.

Архимандрит Никон писал начальнице общины Анне Соловьевой: «От всей души прошу тебя, не допусти в общение совместно смешанного пола. Не принимай на жительство по найму людей, соблюдай истовое общежительство».

Все это в общине соблюдалось, но с каждым годом, с усилением гонений на Русскую Православную Церковь, соблюдать это становилось все тяжелее и казалось, что коммуне не устоять перед натиском государственного безбожия. В конце концов, за уничтожение коммуны взялось ОГПУ. В ночь на 30 апреля 1931 года были арестованы начальница общины Анна Соловьева и три сестры, и среди них монахиня Анна Благовещенская.

Преподобномученица Анна родилась 30 января 1898 года в селе Борисоглеб Белосельской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье священника Алексия Аполлосовича Благовещенского и в крещении была наречена Марией. По окончании в 1916 году Пошехонской женской гимназии Мария стала работать учительницей и исполняла послушание псаломщицы в храме, где служил ее отец. Воспитанная в благочестии, она часто посещала монастыри, в том числе и Павло-Обнорский, где близко познакомилась с архимандритом Никоном, духовной дочерью которого стала. Когда организовывалась община, архимандрит Никон благословил Марию поселиться в ней. Оставив в 1922 году учительство, она поселилась в Захарьевской общине, где несла различные послушания: была псаломщиком и регентом хора, пчеловодом и счетоводом и впоследствии приняла монашеский постриг с именем Анна.

На допросе, состоявшемся сразу же после ареста, она проводила ту линию, которой постановили все в общине держаться перед властями, предполагая поначалу, что членов общины арестовывают за сопротивление объединению с другим колхозом, в котором были семейные, а не за то, что они под видом коммуны основали монастырь. Добившись разрешения писать протокол собственноручно, монахиня Анна написала: «Я – член коммуны имени Крупской с 1922 года. До 1922 года я учительствовала, а в 1922 году, отказавшись от учительской должности, я все свои силы и здоровье решилась отдать на создание крупной организации, каковой является наша коммуна... И вот, эта дружная, трудолюбивая семья не отказала мне в моей просьбе – быть принятою в число ее членов, и я, как уже сказала, расставшись со школой, вступила в это общество девиц, задавшихся целью доказать на деле свою мощность, свою независимость от мужчины, доказать, что действительно женщина может управлять государством. Советская власть отнеслась к нам очень сочувственно, за что мы, конечно, очень благодарны ей. И вот, с 1922 года коммуна наша все растет и растет и, вместо десяти человек (как, помню, было при моем вступлении), число членов коммуны выросло уже до ста. Вместо маленькой ветхой избушки, стоят

уже большие дома, и коммуна начинает мало-помалу принимать вид маленького городка... Посетители наши всегда высказывают свой восторг и удивление, что женщины, исключительно женщины, так дельно, толково могут вести свое хозяйство. Многие изъявляют желание усвоить все это и устроить у себя дома нечто подобное. Я помню, как одна из экскурсанток выразилась так: “Побывав у вас, посмотрев на все ваши работы, расспросив обо всем, что меня интересует, я, мне кажется, получила столько практических указаний, столь полезных для ведения сельского хозяйства, что мне представляется, что я прослушала сельскохозяйственные курсы”. Вот такие-то отзывы для нас очень ценны, они доказывают, что и мы – “бабы” приносим государству нашему посильную помощь. Вполне надеюсь, что и впредь государство будет помогать нам во всем необходимом, а мы, все более и более совершенствуясь в ведении правильного сельского хозяйства, тоже будем помогать государству, на деле доказывать, что баба – человек и не хуже мужчины может вести хозяйство, будем с большой радостью делиться своим опытом с нашими посетителями, предостерегать их от ошибок, которые пережили сами».

ОГПУ, однако, не интересовала хозяйственная деятельность монастыря, и следователи стали допытываться от арестованных сведений об архимандрите Никоне. 13 мая 1931 года они снова допросили монахиню Анну. Сведения о том, где находится отец Никон, мать Анна сообщать отказалась, но сказала, что архимандрита Никона знает.

28 июня 1931 года, довершая разгром общины, Секретариат Областного комитета коммунистов Ивановской Промышленной области постановил: «Предложить районному комитету и коммунистической части коммуны провести жесткую чистку членов коммуны от чуждого элемента и бывших монашек. Одобрить слияние с коммуной “Новая деревня”, выдвинув из ее бедняцкого состава работников на руководящие хозяйственные должности».

После нескольких допросов монахиня Анна Благовещенская была освобождена и монашеской общиной отправлена в командировку в Мологу. Однако ОГПУ приняло решение вновь ее арестовать и направило в Мологское отделение ОГПУ телеграмму, чтобы ее вызвали к начальнику 3-го отделения секретного отдела ОГПУ, но, «так как со стороны возможны попытки скрыться, целесообразнее ее сопроводить до города Иванова агентурным наружным наблюдением».

11 декабря 1931 года монахиня Анна была вновь арестована и сразу же допрошена. Уже давно она приняла решение ни о ком не говорить, чтобы ненароком никого не предать. Да и то: чем меньше говоришь – тем меньше и вопросов. И она заявила следователю: «Отца Никона, которого я знала как монаха Павловского монастыря, не видела с 1921 года, он тогда приезжал к Александре Аркадьевне, фамилии не знаю, проживающей в своем доме в селе Захарово, она являлась теткой Анне Александровне Соловьевой. После этого случая я отца Никона никогда и нигде не видела. Местопребывание отца Никона и Соловьевой в настоящее время мне неизвестно».

В феврале 1932 года следствие было закончено. 13 апреля 1932 года Коллегия ОГПУ приговорила тринадцать членов общины к различным срокам заключения, трое были объявлены в розыск и одна освобождена. Монахиня Анна была приговорена к трем годам заключения в концлагерь.

Вернувшись из заключения, она устроилась псаломщицей в храме в селе Николо-Колокша Рыбинского района Ярославской области. Поселилась она в одном доме с некой девицей Анной Косаревой; та была больна, и монахиня Анна взяла ее на содержание.

22 сентября 1937 года монахиня Анна была арестована и заключена в ярославскую тюрьму. На допросе следователь спросил ее:

– Почему Косарева переехала жить к вам?

– Косарева была больна, не могла заработать себе средств на прожитие. Я ее взяла к себе на иждивение.

– Следствию известно, что вы через эту Аннушку пересылали письма участникам контрреволюционной группы, приходившие от Никона. Вы подтверждаете это?

– Я уже говорила, что никаких писем участникам группы, приходивших от архимандрита Никона, я не получала и не пересылала.

– Следствие располагает достаточными материалами, которые уличают вас не только в том, что вы были связующим звеном между Никоном и контрреволюционной группой, но и в том, что вы после ухода Никона на нелегальное положение стали руководить контрреволюционной группой и давали участникам ее указания по контрреволюционной работе, то есть чтобы они среди населения проводили антисоветскую агитацию, мобилизовывали верующих на противодействие закрытию церквей, распространяли провокационные слухи о скорой гибели советской власти. Кроме того, вы давали им указания о конспирации антисоветской работы. Следствие требует от вас исчерпывающих показаний.

– Никаких показаний дать не могу, так как виновной себя в этом не признаю.

Преподобномученица Анна

7 марта 1938 года тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Монахиня Анна (Благовещенская) была расстреляна 11 марта 1938 года в городе Ярославле и погребена в безвестной могиле.

Несмотря на аресты и расстрелы членов общины, несмотря на стремление властей в корне ее уничтожить, этого все же не удалось добиться, и около сорока ее членов остались в ней жить; никакими ухищрениями не удавалось упразднить монашеский образ жизни, который они вели. После того, как монашескую общину соединили с коммуной «Новая деревня», коммунары, состоявшие из деревенских жителей, полностью разграбили монашеское имущество, включая как сельскохозяйственные машины, так и бытовые предметы. В течение нескольких лет члены общины выкупили у коммунаров свое имущество. Впоследствии коммуна «Новая деревня» распалась, был создан колхоз, который со временем был упразднен, а община в составе нескольких членов дожила до начала 1990-х годов, когда прекратила свое существование советская власть.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 453-465